

ЛИМОНОВ — НАШ САЛМАН РУШДИ

Дмитрий БЫКОВ

Если с Лимоновым что-то случится — а случиться с немолодым человеком в раскаленной камере может что угодно, — власть от этого не отмоется никогда. И все плюсы путинского правления не перевесят этой политической расправы, цель которой — окончательно провозгласить победу середины над крайностями, посредственностей над талантами, стада над индивидуалистами.

Лимонову продлили срок содержания под стражей до 11 сентября. Значит, он просидит все лето и в тюрьме встретит пятидесятивосьмилетие. Он всегда был такой молодой, что нынешние его тюремщики, вероятно, забыли об его истинном возрасте. Они честно считают его двузильным.

Сегодня Лимонов жизнью расплачивается за литературу. На его примере проверяют: такие ли уж гнилые хлюпки все эти писатели, так ли уж легко они отступаются от своих убеждений? Писатель ведь человек тонкий, его помори в камере в такую жару — расколется, все подпишет, во всем сознается... Ну, тогда и с остальными можно не церемониться. Лимонов знает, что на нем, как на оселке, проверяют русскую литературу. И ведет себя достойно.

В эту дикую московскую жару каждый человек, немного знающий российскую историю и современность, понимает, кому сейчас хуже всего. Хуже всего заключенным. В переполненных камерах каждый день кто-нибудь умирает от жары и духоты. Недавно на «Времечко» дозволили отец одного из заключенных и рассказал об этом.

Лимонов сидит в Лефортове, где условия вроде как лучше, но тюрьма остается тюрьмой. Пусть его камера и не переполнена, но она раскалена. До этого, рассказал адвокат, с ним сидел стукач, неоднократно угрожавший ему избиениями и прочими расправами. Сейчас стукача убрали, но вряд ли Лимонову стало намного легче. Те, кто его знают, — знают и то, что человек он весьма интеллигентный и деликатный, при всем своем радикализме и при всей эпатажности своей прозы. Заключение мучительно для всех, но для писателя — человека с обнаженными нервами, человека, для которого свобода является единственным и главным условием труда, — оно

убийственно. К пыткам, которым подвергается Лимонов, — жара, одиночество, неизвестность, — можно добавить тревогу о судьбе родителей, живущих в Харькове: оба стары, оба с трудом передвигаются, оба нуждаются в сиделке, а оплачивать ее можно было только из лимоновских литературных заработков. Больше денег взять негде.

За что подвергнут этим пыткам писатель с мировым именем, автор нежнейших и трогательнейших книг во всей новой русской литературе? Может быть, кого-то отпугивал в свое время невинный эпатаж «Эдички» и «Дневника неудачника», но ведь отпугнуть он может только ханжей и остолопов, не понимающих, что для выражения своего отчаяния и своей невыносимой любви писатель волен пользоваться любыми красками. Лимонов написал лучшую исповедальную прозу восьмидесятых, лучшие авангардные стихи семидесятых, лучшую публицистику девяностых. Неужели никто в стране еще не понял, что писателя следует судить по особым меркам — и уж никак не уголовным судом?

Причастность Лимонова к покупке национал-большевиками оружия не доказана и доказана быть не может. Лимонов не просто нравственный человек, он человек осторожный. И не в его правилах отдавать приказы о покупке оружия: все нацболовские акции имеют характер перформансов. Даже если кто-то из нацболов купил автомат и теперь на этом основании будут запрещать и отплавивать всю партию — Лимонова приплести к этому не удастся. Потому и сроки следствия продлевают: ищут, чего бы на него накопать. Или надеются, что окочурится, и тогда не придется извиняться.

Кто видел нацболов, тот знает, что в массе своей это тихие, очкастые, интеллигентные мальчики и девочки. Чаше всего бедные, потому что богатых умных у нас сейчас нет. Но социальный их протест — не отсюда. Это не месть голодных — сытым, не ропот желудка, не желание иметь красивые шмотки. Это ненависть к истеблишменту, отупевшему и закрывшемуся. Это неприятие измельчавшей и выродившейся элиты. С ними можно спорить. Но их право на бунт — естественное право молодости, и бунт этот бескровен. Между тем в Латвии трех

нацболов за абсолютно невинную выходку, сопровождавшуюся демонстрацией муляжной гранаты, осудили на многолетние сроки, и вмешательство МИДа России пока ничего не дало. Да, лимоновская НБП часто выступала против унижения русских в бывших республиках — Прибалтике, Казахстане. Но тот, кто бывал в том же Казахстане, опять-таки не может не знать: да, это унижение было и есть, оно замалчивалось. Может, Солженицына, напоминавшего о нем, тоже посадим? Вон ему и антисемитизм шьют...

За Лимоновым нет ни одного реального преступления, ни одного доказанного акта насилия, ни одной провокации. И он сидит. И не думаю, что президент Путин об этом не знает.

Думаю, что президент Путин, при всех его бесспорных достоинствах, решил кое-кому показать, что свобода слова имеет свои пределы. Не нужно нам слишком принципиальных борцов и слишком радикальных писателей. Вот НТВ (имею в виду НТВ доразговорного вида) по большому счету ничем Путину не угрожало, ибо там сидят борцы respectable и не совсем бескорыстные. Убеждения их просты: свободу и власть нашему шефу — а там гори все огнем. Лимонов — боец другой породы. Он никогда не шантажировал власть и никогда не ругался с ней. Поэтому одним платят, а другие платят сами.

Лимонов ведет себя с исключительным достоинством. Написал в заключении книгу о «проклятых поэтах» — Мисиме, Селине, Жене. Не жалуется. У него одно утешение — сознание величия участи: последовательный человек, он довел-таки свою судьбу до той точки, в которой не остается выбора. Быть врагом истеблишмента и радикалом — так уж быть им по полной программе. Иное дело, что он вправе был рассчитывать на борьбу идейную, какую и вел всю свою жизнь. В сфере идей с ним расправиться побоялись — слишком во многом пришлось бы признать его правоту, не идейную, так художественную убедительность. У нас предпочитают другие аргументы.

Всякий режим начинает «свою борьбу» с личностей непростых, иногда одиозных. Сталинский террор начался с расправы не над Бабелем, а над РАПШом. Массовые казни всегда начинаются с расправ

над ворами или возмутителями спокойствия. Вот когда население полюбит и одобрит эту практику, можно приниматься и за него. За народ. Лимонов успел нажить себе многих врагов — и среди коллег, откровенно завидующих его вечнозеленому темпераменту, и среди трусливых либералов, ненавидящих все «красное», а заодно и все великое. Великое, увы, редко бывает либеральным. Оно всегда тоталитарно, радикально, опасно. Надо лишь отличать литературу от политики, а Лимонов — всегда отличал. Партия его — явление скорее литературное, эстетическое, нежели политическое. Влиятельной силой она не была и не будет. Но как напоминание о том, что не вся наша молодежь мечтает о жизни банковских клерков и голубых стилистов, — она нужна.

Есть и еще один тревожный аспект у всей этой истории. Наше сегодняшнее писательское сообщество крайне развращено и разобщено, «добрые нравы литературы», о которых говорила Ахматова, забыты и утрачены навсегда. Писатели радуются неприятностям друг друга. Небольшой «модный» круг, ничего приличного не написавший, но грамотно позиционирующий себя, привлек к себе максимум внимания — не читательского, конечно, но журналистского. Чтобы сегодня арестованный писатель мог рассчитывать на защиту коллег, он должен быть устраивающим всех Акуниным. Хотя и Акунину завидуют довольно сильно... Сегодня Лимонов так и не дождался ни одной писательской акции в свою защиту, если не считать крайне двусмысленного, вялого и запоздалого обращения «Пен-центра». Типа «Мы не разделяем взглядов Лимонова и активно их не любим, но...».

Любой бездарный авангардист устоивался большего. Любой иностранный диссидент устоивался большего. У нас сегодня есть собственный Салман Рушди — идеологический противник дикого капитализма, противник, с которым не хотят спорить и потому шьют уголовное дело. То, что русская литература молчит, — величайший позор русской литературы, свидетельство ее небывалого и безнадежного падения.

«Я ни на кого не рассчитываю», — передал Лимонов через адвоката.

Господи, неужели он прав?!

РИСУНОК ИГОРЯ ГОНЧАРУКА

ДОСЬЕ "БК"

ЛИМОНОВ (САВЕНКО) Эдуард Вениаминович — поэт, прозаик, публицист, лидер Национал-большевистской партии, главный редактор газеты «Лимонка». Родился 22 февраля 1943 года в Дзержинске Горьковской области. Образование среднее. Работал строителем, сталеваром, продавцом, менял свинец на пятнадцать профессий. С 1965 года профессионально занимается поэзией; с 1968-го начал писать короткие авангардные рассказы. В 1974-м покинул СССР, жил в США, затем во Франции; работал в эмигрантской газете «Новое русское слово». Возвратился в Россию в 1991 году; в июне 1992 года вошел в состав теневого кабинета ЛДПР в качестве руководителя Всероссийского Бюро расследований. В ноябре 1992-го стал председателем Национал-радикальной партии и оставался им до весны 1993 года. Летом 1993-го создал и возглавил Национал-большевистскую партию. Автор более двадцати книг, переведенных на большинство европейских языков, в том числе романов «Это я — Эдичка», «Палач». В числе увлечений называет кулинарию и шитье брюк. 7 апреля 2001 года был задержан в результате спецоперации в селе Банное Алтайского края, где работал над книгой. Содержится в Лефортовском следственном изоляторе. Обвиняется как соучастник в незаконном приобретении оружия четырьмя членами его партии в Саратове.

Всего клуб - 2001 - 27 июля - с. 3.